

FAKE NEWS: ОТКУДА ТАКАЯ НАПАСТЬ?

№ 7 / апрель 2017

Мария Липман

От редактора

Стенания по поводу нашествия fake news — «лживых новостей» и наступления мрачной эпохи post-truth — «пост-правды» не утихают уже долгие месяцы. В 2016 году Оксфордский словарь [объявил](#) post-truth «словом года». Журнал Economist опубликовал подборку статей под рубрикой «Политика пост-правды». «Пост-правда» значилась в заголовке доклада, опубликованного к ежегодной Мюнхенской конференции по безопасности в начале нынешнего года.

Фейсбук обзавелся механизмом борьбы с фальшивыми новостями, которые он маркирует фразой «независимые эксперты ставят под сомнение достоверность этой информации». Российский МИД тоже не отстает: все, что с точки зрения министерства не соответствует действительности, теперь помечено ярко-красным клеймом FAKE. Ряд крупнейших организаций и фондов, среди которых Фейсбук и Фонд Форда, а также множество других, [создали](#) консорциум News Integrity Initiative, который займется распространением медиаграмотности и укреплением пошатнувшегося доверия к СМИ.

Список подобных инициатив постоянно пополняется.

Повышенная тревожность, связанная с утратой правды в современном обществе, требует трезвого анализа: о чем мы, собственно, говорим, верно ли, что это совершенно новый феномен, или подобные явления были знакомы человечеству и раньше?

Даже если ответы на эти вопросы не помогут вернуть утраченную правду, полезно хотя бы попытаться понять, с чем мы имеем дело.

«Фальшивыми новостями» именуют целый ряд явлений: просто вранье или выдумки, не претендующие на правдивость; теории заговоров и неприятные для говорящего интерпретации; предвзятое освещение и «пропаганду» (в сегодняшнем западном дискурсе речь идет, как правило, о российской); а также просто сообщение, которое хотелось бы опровергнуть, но за неимением аргументов проще заклеить. Как [пишет](#) автор нынешнего номера *Контрапункта* Алексей Ковалев, иной раз фальшивой называют «любую информацию, которая не устраивает ее реципиента». Именно так использует термин «fake news» нынешний президент США. (Российский премьер-министр в аналогичных обстоятельствах употребил слово «компот».)

«Фальшивые новости» и эпоха «пост-правды» вызывают столь острую эмоциональную реакцию, оттого что, к разочарованию западных защитников правды, значительная часть их соотечественников готова прислушиваться к лживым сообщениям, дурным идеям и лживым политикам. Им особенно горько от того, что люди не готовы изменить свои представления даже перед лицом неоспоримых фактов.

Расхожее объяснение этого прискорбного обстоятельства состоит в том, что благодаря современным коммуникациям любой человек, желающий сделать публичное заявление, может получить неограниченный доступ к аудитории. С этим, разумеется, не поспоришь — как и с тем, что с таким феноменальным прогрессом в области коммуникаций человечество сталкивается впервые.

Но почему же стремительный технологический прогресс оказывается на руку именно тем, кто искажает факты — почему их «фальшивые новости» и «неправильные взгляды» оказываются так притягательны, что могут конкурировать с уважаемыми изданиями, которые десятилетиями пользовались доверием читателей?

Спрос на те новости и интерпретации, которые мейнстримная пресса и политический истеблишмент именуют «фальшивыми», связан с тем, что сам истеблишмент стал вызывать в западных обществах все большее раздражение, а прежде уважаемая пресса быстро теряет доверие. Глобализация и неуклонное распространение либеральных ценностей в течение последних десятилетий — в частности, активная защита и законодательное закрепление прав разнообразных меньшинств — создали ложное представление о широком либеральном консенсусе. Между тем нелиберально настроенные граждане, хоть и были не слишком заметны, но в действительности никуда не делись; в их среде, по всей видимости, копилось недовольство, которое практически не находило отражения в освещении мейнстримной прессы. «В редакциях [мейнстримной прессы] все страшно озабочено разнообразием, — [написал](#) один из таких недовольных сразу после избрания Трампа. — Стараются изо всех сил, чтобы расовое и гендерное разнообразие, а также разнообразие сексуальных ориентаций было представлено как можно шире — но не разнообразие точек зрения. Это их как раз решительно не интересует».

Таким образом, возник новый политический спрос, а значит, рано или поздно кто-то должен был этим воспользоваться. Политическое предложение поступило от Трампа, и воспользовалось успехом у избирателя, а «фальшивые новости» — сайты, блогеры и пр., предлагающие антилиберальную, антиглобалистскую «правду» вместо высоких стандартов мейнстримных изданий, — нашли свою благодарную аудиторию. Читатели, интернет-пользователи, зрители охотно откликнулись, потому что им предложили именно то, во что хотелось верить. (Этим же спросом стремится воспользоваться и российский государственный канал RT, хотя, как [пишут](#) наши авторы Роберт Орттунг и Элизабет Нельсон, каналу куда успешнее удастся привлечь аудиторию на Ближнем Востоке, чем на Западе.)

В общественных науках подобный феномен относят к числу распространенных когнитивных искажений, но и в повседневной жизни он знаком каждому: мы куда охотнее верим тому, что соответствует нашему опыту и представлениям, и легко отмечаем то, что им противоречит. Этим можно объяснить и поддержку Трампа на выборах, и всплеск интереса к такой информации, которая так или иначе работает против истеблишмента. И тех, кому по душе именно такие новости, не переубедить «стоп-фейками» и опровержениями с фактами в руках.

Более того, сегодняшние исследования [свидетельствуют](#) о том, что попытки с помощью «фактов» заставить «оппонентов» изменить свои взгляды не приводят к сближению позиций, а, напротив, только углубляют противоречия.

В последние десятилетия холодной войны многие жители СССР верили в то, что за железным занавесом скрывается мир, полный чудес — товарного изобилия, вождельной рок-музыки и политических свобод. Советские люди вслушивались в «радиоголоса», доносившиеся с Запада, считая их голосом «правды». В [статье](#) Мелиссы Файнберг, которую мы публикуем в этом номере *Контрапункта*, рассказывается о том, как тщательно строились передачи западных голосов, чтобы наилучшим образом ответить на запрос антикоммунистически настроенной аудитории.

Но желание верить тому, что доносится с Запада, довольно скоро исчезло — и сегодня никакие «факты» не заставят российских граждан вернуться к этим источникам информации. Аудитория государственных СМИ, напротив, остается огромной — и не потому, что тамошние «факты» кажутся нашим согражданам неопровержимыми (об этом тоже можно прочесть в [статье](#) Алексея Ковалева).

Само понятие «факта» — в большой степени функция авторитета, который за ним стоит. На Западе, и особенно в США, авторитет мейнстримных СМИ и либеральной демократии в целом неуклонно падает: в [статье](#) Роберто Фoa и Яши Мунка в этом номере приводятся данные о распространении нелиберальных взглядов среди молодых граждан развитых западных демократий. Эта тревожная тенденция и является причиной навязчивой сосредоточенности на проблеме «фальшивых новостей» и стремления преградить им путь заслонами и фильтрами. Таким образом теряющая авторитет элита пытается вернуться в тот мир, в котором ее «правда» была если не единственной, то главной, а «альтернативные факты» не имели права на существование.